

Марина ОЧАКОВСКАЯ

В эпоху застоя служила я заведующей литературной частью театра. Пьесы читала. Очень звенело тогда имя литовского драматурга по фамилии Лауринчукас. Пьесы его хотя и не ставились по причине стойкого отвержения к ним со стороны театральной братии, но регулярно получали всяческие премии и печатались всюду. Лауринчукас писал исключительно об Америке. В его творениях реакционные сенаторы почем зря угнетали простых парней по имени Боб, а прогрессивная, но духовно слабая интеллигенция пряталась от насущных проблем в заброшенных ранчо и глушила кока-колу. До полного отупения мозга. Потом приходили простые парни по имени Боб и все интеллигенции разъяняли, после чего они все вместе шли голодать к ограде Белого дома.

Теперь-то я понимаю, что Лауринчукас был Шекспир. Дошла до меня эта глубокая истина после просмотра спектакля по пьесе Тони Кушнера "Славяне" в театре "Марк Тейлер Форум", поставленного режиссером Майклом Рейфом. Действие происходит в России, и герои, естественно, носят типичные русские имена: Василий Воровилыч Смаков, Сергей Эсмеральдович Алгобкин, Алексей Антедивиллуанович Прелапсарьянов, Егор Трёмэнс Родент, Катерина Серафима Глеб, Бонфила Безуховна Бонч-Бруевич. Живет также в пьесе таежная сибирская литовка тоже с типичной литовской фамилией: миссис Счастливый Домик, а также ее дочка Водя Домик. Вот так. Славяне, в общем.

В пьесе условно можно выделить четыре действия. Первые два происходят в 1985 году. Попервоначалу Эсмеральдовичи и Антедивиллуановичи, будучи престарелыми

членами Политбюро ЦК КПСС, в мёру иссякающих на глазах сил, спорят о том, проводить реформы или оставаться верными целенометаллическим заветам Ильича. По ходу спора два самых старых члена Политбюро откидывают копыта, символизируя, очевидно, смерть марксистско-ленинской идеологии.

Затем действие переносится в рабочую каптерку Катерины Серафимы Глеб, простой русской девушки, уже зараженной вирусом свободы, которую пытается склонить к сожительству временно оставшийся в живых после первого действия высокопоставленный аппаратчик Ипполит Ипполитович Пополитипов, бурно вещающий о своих чувствах через призму партийного строительства. Но получает должный отпор, поскольку либерализованная демократическими веяниями девичья душа жаждет не протухшего аппаратчика, а сигарет, выпивки и лебидийской любви с Бонфилой Безуховой, родной внучкой первого управделами Совнаркома Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича. Кстате говоря, никогда не знала, что Владимир Дмитриевич имел сына по имени Безух. Вот уж действительно, век живи, век учишь. И любовь состоялась, товарищи!

Далее действие переносится в 1992 год, в сибирскую деревню Талменка, куда Безуховна совместно с возлюбленной Катериной Серафимой переселилась, чтобы лечить в таежных просторах девочку Водю Домик, сильно пострадавшую через Чернобыль. Ну, конечно, Сибирь ведь рядом с Украиной размещается. За углом. Попутно девочка мамаша сообщает заглянувшему

на огонек аппаратчику Егору Трёмэнсу Роденту, что она не русская, а ссыльная литовка и поэтому трам-тарарам Россию, трам-тарарам русских и трам-тарарам русские власти. Поскольку дело, как уже было сказано, происходит в 1992 году, то возникает легкое недоумение: почему же это миссис Счастливый Домик не возвратиться на независимую родину, чтобы трам-тарарам Ландсбёргиса? Но тут девочка очень удачно умирает, и вопрос забывается сам собой.

Последнее же действие происходит на небесах. Сидят-посиживают отошедшие еще в первом действии Воровилыч и Эсмеральдыч и... что делают? Правильно — рассуждают о судьбах социализма. Тут же появляется и девочка Водя, которая докладывает старшему поколению, что социализм в России провалился, и просит рассказать в связи с этим какую-нибудь сказку, на что один из незабвенных членов КПСС рассказывает ей до боли знакомую каждому советскому человеку историю о Володе Ульянове, который так потрясся смертью брата Саши, что прочитал книжку Чернышевского "Что делать?", после чего превратился в Ленина. Потрясенная рассказанным, девочка Водя тоже задает вопрос: "Что делать?", обращая его к залу. На сем кончается.

А у Лауринчукаса, заметьте, ковбои не скакали по Овальному кабинету Белого дома. Хотя и могли бы.

Безусловно, Кушнер не писал пьесу из российской жизни. Совершенно очевидно, что российская канва понадобилась ему лишь для вышивания своих идей. Но вот по-

или Кое-что о ягоде на болоте

думаешь, что и Дюрренматт в своем "Ромуле Великом" вовсе не ставил целью изложить основы руководства в Западной Римской империи, а Фигейреду в "Лисе и винограде" тоже не пытался представить сценический вариант очередного тома из "Жизни замечательных людей", и в этом свете "Славяне" кажутся продуктом весьма сомнительного свойства: не придумывал Дюрренматт для вождя германцев имя, скажем, Франсуа Хаимовича Джонджелидзе, а назвал именем собственным. Как мне представляется, следование законам жанра есть не проявление конформизма, но признак владения профессией.

Тем более все это странно, ведь Кушнер нынче – признанный лидер американской драматургии, получивший за свою – действительно превосходную! – пьесу "Ангелы в Америке" Пулитцеровскую премию и "Тони", а автор убогой постановки Майкл Грейф поставил на нью-йоркских сценах несколько отличных спектаклей и прочно вошел в элиту театральной режиссуры. Бес что ли попутал?

Поскольку ссылки на бесов вряд ли заменят профессиональный анализ, то остается для объяснения сослаться на мнения коллег, которые, возможно, видят нечто, ускользающее от моего глаза. Видят же они политический гротеск, о чем и пишут, и в личных разговорах признаются. Ну конечно, если в пьесе отсутствуют характеры, если действие развивается по логике душевнобольного, если реплики несут печать перманентных потуг на остроумие – вот вам и гротеск. Политический. Все бы славно, да только подводит чересчур хорошая память

– один из отцов – основателей жанра политического гротеска Бернард Шоу считал, что в основе самого сумасшедшего гротеска должна лежать абсолютно ясная, прозрачная и, что самое главное, понятная большинству идея. И чем больше сумасшествия на сцене, тем крепче должны быть "объятия мысли".

С мыслями-то как раз в "Славянах" полная беда. Хотя и пытался Кушнер всунуть в ткань пьесы закавыченные цитаты из классиков, вроде Федора Михайловича Достоевского, однако и цитаты эти выглядят впрямь как авторские реплики – то есть никак. Навязшие в зубы дискуссии о судьбах мира, ведущиеся консерваторами и прогрессистами, плоски и утомяют тривиальностью тезисов. Предупреждение о ядерном апокалипсисе тоже отдает нафталином, так как жизнь оказалась много "изюмнее" предсказаний. Перлы же, вроде "Славянство – это печаль души", и вовсе заставляют припомнить фельдшерницу Змеюкину с ее бессмертным: "Они образованность показателю хотят".

Представляется, однако, что "Славяне" все-таки в одном имеют несомненную значимость. Пьеса – зримый признак кризиса американского либерализма. На протяжении десятилетий либерализм претендовал на роль третьей силы, судьи, возвышающегося над традиционным консерватизмом и социализмом советского типа. Развившийся как естественная реакция здорового общества на угрозу правого экстремизма, либерализм действительно в свое время внес значительный вклад в раскрепощение личности, в формирование комплекса "повсед-

невных свобод", но в итоге исчерпал себя, не умея сформулировать идею развития общества на грани веков. Добило же его исчезновение коммунизма, ибо уже не перед кем и не для кого было разыгрывать карту третьей силы – победить можно было только в прямом состязании, а вот этого как раз либерализм никогда не умел и не любил. Поэтому, как мне кажется, так неинтересны диалоги в "Славянах", такой затхлостью отдает все действие. Талант автора не позволяет ему смириться с поражением, и по правилу замещения в ткань пьесы включаются любовные репризы, со сцены буквально давит неумное желание рассмешить. Однако... Смотрела я спектакль, показанный в тот вечер специально для критиков, то есть публики достаточно хорошо знающей, что чего стоит в театре. Свидетельствую: за время действия лишь несколько раз раздавались неуверенные смехи, в целом же в зале царило молчание.

Правда, к вящему изумлению, славящаяся либеральными традициями "Нью-Йорк таймс" выстрелила залпом дежурных похвал, среди которых было и то, что "пьеса вызывает непрекращающийся, неуправляемый смех". В таком случае то, чему свидетелем я была, можно отнести к провалу режиссерского решения спектакля. Посадить бы режиссеру рядом с каждым зрителем по работнику театра на предмет щекотки в нужных местах – то-то смеху было бы. А так – увы!

Одну ассоциацию все-таки премьерера Западного побережья вызвала. С ягодой, растущей на болотистых местах. Клюква называется.

ЛОС-АНДЖЕЛЕС